

Чернышев Николай

15.06.05

82-8404-6-8-6-2005-8-15 июня-88
Крыжур-2005

Автопортрет с цветком

Николай Чернышев
в Третьяковке

Н. Чернышев. "Автопортрет. После возвращения с фронта". 1924 г.

Николай Михайлович Чернышев (1885 – 1973) всегда искал красоту. "Пересилив болезни, жестокие обиды, тюрьму, горькие утраты, я не представлял, что воспоминания красоты будут питать меня до конца дней, – писал он. – Под красотой каждый подразумевает разное. Я не верю, что красоту можно увидеть во всем. Красота редка, и это закономерно... Не потому ли она рассеяна повсюду, и, чтобы ее заметить, надо быть всегда начеку". И как символ своих поисков красоты художник пишет после возвращения с фронта Гражданской войны в начале 1920 годов "Автопортрет" – сурового, неулыбчивого, жестко испытанного тяжелой жизнью человека с неожиданным и трепетным белым цветком в руке.

Эта картина как бы открывает скромную камерную выставку, включенную в экспозицию "Искусство XX века" Третьяковской галереи на Крымском Валу. Она посвящена 120-летию со дня рождения замечательного художника. Разумеется, в небольшом зале, в двух-трех десятках работ трудно представить его творчество во всей полноте, духовно-нравственное его очарование, все образы и лики красоты, им найденные в окружающем мире и чудной кистью своей оставленные в живописи.

Тематически художник весьма определен. Его прежде всего привлекала весна – в человеческой жизни, в природе. В своих главных произведениях он обращается к ранней девической красоте, такой хрупкой, чистой и нежной, такой незащищенной и трогательной. Он предпочитает духовную красоту физической силе и телесности. Художник подчас отрывает голубоватые нежные видения от грешной земли, и эти тонкие юные фигурки как бы витают в воздухе, окруженные цветами, птицами, пустыми облачками и легкими дуновениями ветерка. Они больше напоминают неясные впечатления и смутные волнения ранней юности, душевные миражи и еще не сформировавшиеся чувства и сердечные настроения. Художник тончайшей цветовой гаммой, легкостью и стремительностью рисунка, мягкой пластичностью формы открывает забываемый мир человеческой весны.

Может быть, для того, чтобы подчеркнуть отстраненность своих весенних раздумий от дня сегодняшнего, Николай Михайлович обращается к стилистике, пластике (к несколько удлинненным, как бы бестелесным девичьим фигурам), колориту и цветовому строю древнерусской живописи. Но ни в коей мере не имитирует, не повторяет ее, он по-своему осмысляет и вводит ее в современное образное понимание. Подчас его картины выглядят странно, чудно, как полубезыбные мечтания или нечаянные сновидения.

Николай Михайлович неслучайно обратился к старинной иконописи – он ее великолепно знал, глубоко изучал, как истинный ученый, исследователь. Он страстно любил искусство Андрея Рублева, Дионисия, в течение нескольких лет кропотливо изучал технику стенной фрески великого мастера в Ферапонтовом монастыре. Написал фундаментальный научный труд "Искусство фрески в Древней Руси".

Пейзажи Чернышева – также весенние, утренние: вот в туманной дымке возникают контуры храма Христа Спасителя, кремлевские башни, словно рождающиеся из неведомых озерных глубин и тающие в трепетном мареве; вот – сфинксы петербургских набережных, будто бы выплывающие из синеватой неводской волны; или – ранний восход, просыпающийся из речной глади и лесных далей. И здесь все быстротечно, физически почти неосознано, все только нарождается, возникает к бурному и, наверное, не всегда солнечному дню.

Отдельный раздел экспозиции – виды Самарканда, где Николай Чернышев находился в эвакуации во время войны. И в них Николай Михайлович показал себя превосходным живописцем, легко чувствующим цветовые особенности среднеазиатской природы.

При всех несомненных достоинствах предельно скромной экспозиции – слава богу, что и так отметили юбилей художника! – она все же оставляет впечатление недоговоренности. Словно перед нами лишь приоткрыли занавес в столь необозримо привлекательный мир.

Евграф КОНЧИН

82